
Нашёл индийцев

[Сергей МАЗУР](#) - 17 декабря 2014

Body

Американский историк культуры Кевин Платт опубликовал в интеллектуальном журнале НЛО статью под названием «Гегемония без господства/диаспора без эмиграции: русская культура в Латвии». [Взгляд из-за океана прокомментировал главный редактор альманаха «Русский мир и Латвия», историк Сергей Мазур.](#)

Статья Кевина Платта содержит всё или почти всё, о чём обычно пишут в передовицах на русском языке латвийские СМИ. В ткань интеллектуального чтения российского научного журнала «Новое литературное обозрение» американский историк культуры включил и «масштабное» финансирование фондом «Русский мир» культурной деятельности Ближнего зарубежья, и вопрос о положении неграждан, и разбор концепции «соотечественники за рубежом», и положение «русскоговорящего населения в Латвии» и многое другое.

Такая всеядность наталкивает на мысль, что Платт не нашёл ничего нового в теме «русская культура в Латвии» и пошёл проторенными путями отечественной латвийской публицистики. Публицистические тропы сошлись с академической статьей нашего американского специалиста в области сравнительной литературы в одной точке – в одинаковом способе воспроизводства понятия «русская культура в Латвии». Суть этого подхода в ангажировании людей к разговору на политические темы.

Характерно в этом отношении суждение известного российского социолога Александра Бикбова:

«Я думаю, правильно понял, что русская культура, поддержание русской культуры сегодня в Латвии является наиболее легитимной формой политической борьбы. Иначе говоря, выражаясь собственно в политических терминах – русский образованный слой, носители русского языка, русской культуры не могут иначе выражать себя в политическом пространстве как движение, как партии и как политическое образование. И характерное отличие рижской ситуации от российской заключается в том, что в сохранении этой культуры участвуют разные слои населения: и предприниматели, и, так скажем, политики, которые не обязательно имеют отношение к культуре как таковой, и преподаватели. Я имею в виду университетских преподавателей и школьных учителей, которых сам вопрос о русской культуре объединяет в большей степени, чем содержательная канва отдельных инициатив. Вопрос о русской культуре, таким образом, становится ещё одной возможностью для кооперации русских, живущих в Латвии».

Итак, согласно мысли Бикбова, «русская культура в Латвии» – политическая понятие и оно, добавим мы, проявляет себя в той области, где возможна культурная политика. Само по себе словосочетание «русская культура в Латвии» в смысловом отношении кажется оксюмороном, поскольку слова культура и национальность до возникновения эпохи романтизма в XIX веке не соединялись друг с другом, а с приходом новых эпох отошли на второй, сугубо прикладной план.

Кевин Платт начинает свою статью со сравнения положения русских в Латвии с положением индийского народа в период колониального господства Великобритании. Зазор между локальными культурными образованиями подчинённого населения и политическими и культурными системами колониальной элиты, представляется для американского исследователя приемлемой моделью для описания ситуации в Латвии:

«Так как легитимировавшие колониальное управление элитные культурные образования и их современные западные институты не распространялись на подчинённое индийское население, колониальное управление могло осуществляться только посредством нелегитимированного господства, «господства без гегемонии».

Вряд ли хоть в чём-то можно согласиться с Кевином Платтом. Нынешняя правящая партия (или коалиция) в Латвии ничем не напоминает британскую колониальную элиту. Представить же себе западноевропейское общество в XXI веке вообще без зазора между правителями и «подчиненными» ей группами практически невозможно.

Куда более конструктивным, на наш взгляд, было бы сравнение положения русского населения Латвии с ситуацией в Первой Латвийской республике. Речь даже не идёт о том, где и когда было лучше «локальному культурному образованию» – в то время или сейчас. Суть дела в ином. Даже ограниченная национально-культурная автономия в Первой Латвийской республике давала возможность национальным меньшинствам вести культурную политику. Выразалось это в следующих четырёх моментах:

1). В финансировании русской общественности через культурный фонд.

2). В функционировании русского школьного отдела образования, в избрании которого принимало участие как учительство, так и русская политическая фракция в Сейме.

3). В принципиальной возможности существования высшего образования на русском языке (Арабажинские курсы).

4). В ежегодных Днях русской культуры, в которых «участвовали разные слои населения: и предприниматели, и, так скажем, политики, которые не обязательно имеют отношение к культуре как таковой, и преподаватели...» (по А. Бикбову).

.

Если полистать русскую прессу первых годов латвийской независимости (газета «Сегодня», «Рижский курьер» и т.д.), то она наполнена описаниями русского общественного движения. Его цели в начале 20-х годов: борьба с безработицей, с алкоголизмом, с расширением круга латвийских подданных, состоянием школьного образования, ведением Закона Божьего, сохранением собственности Латвийской православной церкви и проч. и проч.

.

Вне культурной политики оценки и интерпретации явлений общественной жизни представляются чем-то произвольным, как например, в вопросе о степени культурности русского населения в Латвии или его степени близости к России.

.

Кевин Платт сталкивается с проблемой терминологической путаницы. Как правильно говорить: русские, русскоязычные или русскоговорящие? Русские сообщества в Латвии или русская община Латвии? И наконец, как назвать русских Латвии по отношению к России? Оговорка исследователя о «непростых социальных условиях» ничего не объясняет. Платт прибегает к географической концепции «Ближнего зарубежья» по ходу замечая нелепость языковой конструкции, определяющей территорию одновременно как «близкую» и «далёкую». И, всё-таки, он использует термин «Ближнее зарубежье». Всё для того, чтобы на основе нескольких опросов (1997-1998 гг. и 2007-2010 гг.) показать – русские в Латвии и России «разные люди».

.

Из статьи Платта:

.

«Когда у некоторых спрашивали, что их отличает... все отвечали, что русские в Латвии «культурнее», чем на востоке от границы. Распространённое объяснение, которое я услышал от преуспевающего еврейского бизнесмена Евгения Гомберга, гласит, что быть «культурнее», значит, больше уважать закон и высокую культуру и быть нетерпимым к абсурду повседневной и публичной жизни в Российской Федерации и к тем необходимым для выживания там привычкам, которые Гомберг объединил словом «хамство»... Как пояснил Гомберг, в Латвии по-настоящему ценят классическую русскую культуру, в отличие от зачастую вульгарной и профанированной культурной жизни в современной Российской Федерации. Информанты также нередко сообщали, что в Латвии говорят на «более чистом» русском языке, чем в самой России».

.

Произвольность результатов подобных опросов очевидна. При желании можно найти противоположные высказывания, в которых русские в Латвии ассоциируются с грубостью, хамством и невежеством.

.

Вот, например, фрагмент письма русскому писателю в Латвии Марине Костенецкой от рабочей завода Виктории Витолы, 11 марта 1989 года:

«Извините, пожалуйста, за стилистические ошибки, ведь я всего лишь рабочая, слесарь по профессии. Но молчать дольше, не поделиться с Вами своими мыслями не могу, если не хочу до конца жизни испытывать угрызения совести. Я работаю в мужском коллективе, а это значит, что в нашей среде происходит много серьёзных разговоров и мало женских глупостей (как уж это бывает на заводах). Большею частью мои товарищи записаны в паспорте как русские. Но некоторые говорят: «Я советский», а другие ещё откровеннее: «Я сам не знаю, какой национальности себя считать. Какое мне дело, какие вам там законы обсуждаете». В худшем варианте можно было бы сказать «великорусский шовинизм», ведь эти люди действительно балтийские русские, в их жилах течёт минимум половина крови не русской, а самых разных других национальностей. Эти несчастные не переняли ни культуру, ни традиции ни одного народа... Думаю, что священным долгом Вашего вновь организованного Общества русской культуры должно стать спасение одурманенных Интерфронтом людей. Следует всеми доступными средствами помочь им осознать разницу между душой русского народа и пустым чванством «русскоязычных». Если им и удастся уничтожить латышей и остатки ещё какого-нибудь небольшого народа, то это ведь только усугубит моральное разложение советского народа. Такой народ и такую империю ничто не спасёт от раздробления и распродажи страны теми же вождями «русскоязычных» – продадут тому, кто больше заплатит...»

Субъектов культурной политики в Первой латвийской республике было несколько. Среди них отметим священномученика архиепископа Иоанна (Поммера) (1876-1934 гг.). В нынешней Второй латвийской республике среди русских Латвии таких субъектов нет. Латвийская власть планомерно ассимилирует национальные меньшинства. По отношению к русскому населению Латвии Россия ведёт продуманную культурную политику, которая проявляется на законодательном уровне – «Федеральный закон Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» от 24.05. 1999 года, в финансировании проектов (фонд «Русский мир»), в чётко поставленных целях и т.д.

Культурная работа обществ, организаций, отдельных деятелей культуры не может охватить всё русское население Латвии, поэтому она представляет собою, прежде всего, частную инициативу отдельных людей или социально активных групп.

Кевин Платт в третьем наиболее обширном разделе своей статьи «Сказка о двух библиотеках» как раз повествует о частной инициативе культурного центра «Русская библиотека» и российского писателя Михаила Задорнова, открывших в Риге русские библиотеки. Однако Платт частную инициативу представляет всеобщим явлением, отнеся две небольшие библиотеки к «... институтам культурной жизни, учрежденных в ответ на ощутимую угрозу русской культурной идентичности и ценностям в постсоветскую эпоху».

«Сказка» несёт в себе моральный смысл, так как в ней американский историк культуры находит подлинно русского человека в Латвии, некую Тамару Сергеевну (фамилия не указывается), которой противостоит человек из России – Михаил Задорнов, вполне по духу

этой статьи подпадающий под оценки предпринимателя Евгения Гомберга. Далее Кевин Платт воспроизводит слухи, которые, скорее всего, дошли до него от самой Тамары Сергеевны: «Тамара Сергеевна сообщает, что подверглась личным нападкам со стороны представителей библиотеки Задорнова, который, по её мнению, хочет прикрыть Русскую библиотеку, лишив её источников существования».

«Сказка», конечно, не имеет отношение к проблеме, рассматриваемой в статье «Культурные практики извне: русские в Латвии». Это столь же очевидно, как то, что инициатива Задорнова куда более ценная для рижан, чем все 40 тысяч томов, собранных удачливым предпринимателем в сфере культуры председателем Фонда славянских культурных обществ Латвии Еленой Надольник и, по-видимому, её бывшей сотрудницей Тамарой Сергеевной.

Возвращение интереса к русской культуре Латвии той части российской интеллигенции, которая корнями связана с этой страной – одна из парадигм возрождения русской интеллигенции в Латвии. Одним фактом своего решения открыть библиотеку в Риге Михаил Задорнов продолжил традицию советских и российских писателей и поэтов Сергеева-Ценского, Горького, Маяковского и др. посещавших Латвию и посвятивших этой земле свой труд (работа Сергеева-Ценского в школе), своё творчество. Нежелание сотрудничать с Русской библиотекой, вряд ли можно поставить в вину Задорнову, так как ни один здравомыслящий деятель культуры иначе бы не поступил.

Кевин Платт в поисках русского человека в Латвии почему-то выбирает объектом своего описания абстрактного человека «из народа», даже не называя его фамилию. В Первой латвийской республике среди русского населения такие «абстрактные» люди, как правило, верстались из всякого рода авантюристов, готовых на всё ради лёгкой наживы. Позволим себе небольшой пример.

У Бориса Инфантьева (1921-2009) в его книге «Миф о русских в латышской литературе» помещён фрагмент остросюжетного романа Эрнста Арниса (1888-1943) «Любви сужденные судьбы» (1929 г.). Герой романа – бывший политкаторжанин Гарьгрива после приключений в России оказывается в Латвии. Он видный чиновник получает от бывшей любовницы Ивонны Райской предложение познакомиться с настоящими монархистами, которые вот-вот соберутся в Латвии на своё совещание. Когда мы называем термин «монархизм», то представляем, что речь пойдёт об охранительном направлении, целью которого является установление и охранение монархии и приверженности к монархическому образу правления. После распада Российской империи монархизм проявлялся в Латвии в ностальгических настроениях части русского населения в 20-е и 30-е гг.

На деле же в романе всё обращается в авантурную историю: «Совещание происходило с соблюдением строжайшей конспирации где-то в Курземе, в заброшенной мызе посреди дремучей лесной чащобы. Тщательно проверяются документы, в том числе и «председателя латвийских монархистов», каким на короткий срок пришлось стать Гарьгриве. Разговор происходит на немецком языке, которым все присутствующие хорошо

владеют. Сообщения «делегатов», в оценке Гарьгивы, «были пустыми и незначительными. Все свидетельствовало о том, что у этих господ нет никаких связей с народом, который они представляли, хотя все стремились подчеркнуть, что таковые имеются». В конечном итоге выясняется, что участники совещания, выдававшие себя за монархистов, оказываются фальшивомонетчиками и кокаинистами.

.

Публикация Инфантьева выделяет типичную ситуацию, которая одновременно представляет модель для подобного рода идеологических концепций, оказывающихся действенными только в определённых условиях, как и в случае с названиями «русские в Латвии», «русская культура в Латвии». Ситуация, описанная Инфантьевым, представляется казусом. Почти таким же как монархизм известного литературного героя Остапа Бендера.

.

Но там, где культура становится идеологемой, она воспринимается не более чем политический курьёз. За двадцать лет существования независимой Латвии русские политики существенного ничего не достигли: нет ни русского образования, нет серьёзных аналитических журналов, нет и сообщества.

.

По Касториадису, «социальный процесс – это непрерывное созидание новых структур, это самосозидание и онтологический генезис всё новых и новых миров». Там, где нет социальных отношений, возникает соответствующий политический ангажемент. Что мы и видим на примере русских в Латвии и так называемой русской культуры в Латвии.

[Сергей МАЗУР](#) - 17 декабря 2014

<http://webkamerton.ru/2014/12/nashyol-indijcev>